

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ» В ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ЭПОХИ РАЗДЕЛОВ

ДИСКУРСИВНОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА СТРАНЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

В статье анализируется опыт польской научной мысли, которая на протяжении более столетия отсутствия Польши на политической карте вырабатывала различные теоретические модели и образы «воображаемой страны». Описывается механизм пространственной фиксации коллективных воспоминаний, формирование «мемориальных ландшафтов», образа «родной земли» как необходимого элемента «национального воображения». Рассматриваются особенности процесса нацистроительства в Польше, по сравнению с другими народами Центрально-Восточной Европы.

Ключевые слова: мемориальный ландшафт, идентичность, историческая земля, «место памяти», нацистроительство, польская национальная память.

В последние десятилетия регион Центрально-Восточной Европы вновь пережил глубокие политические и территориальные трансформации. Ликвидация Хельсинской системы, «Второе национальное возрождение», распад одних и образование других государств привели к тому, что вопрос о легитимности государственных границ вновь оказался чрезвычайно актуальным. В центр политической повестки дня были поставлены характерные для XIX века вопросы, связанные с обоснованием прав наций на свою государственность, выбором типа аргументации в спорах с соседями по поводу владения определёнными землями. Снова становятся актуальными обращения к науке, которую призывают «объективно и точно» указать «подлинные и справедливые» границы. Как тогда, так и сегодня политические (в том числе и военные) акции дополняются дискурсивными стратегиями, призванными показать, что «критика оружием» лишь приводит реальность в соответствие с нормой, обнаруженной при помощи «оружия критики». Вновь приходится делать выбор или искать баланс между требованиями «восстановить историческую справедливость» или исходить из интересов ныне живущих людей и сложившихся реалий, ориентироваться на политические границы прошлого или современные этноконфессиональные реалии.

В этой связи особый интерес представляет опыт польской научной мысли, которая на протяжении более чем столетия отсутствия Польши на политической карте вырабатывала различные теоретические модели и образы «воображаемой страны», солидаризируясь с одними и входя в

противоречия с другими политическими направлениями польского национального движения. Данная статья призвана стать предварительным очерком, обозначающим основные направления анализа этого опыта.

Всякая форма идентичности основана на коллективной памяти, а необходимым условием формирования канона коллективных воспоминаний общности является, их пространственная фиксация, создание «мемориальных ландшафтов»¹. Образ «родной земли» – необходимый элемент «национального воображения». Формирование у массы людей образа пространства национального государства является условием их социализации как граждан. Картографический образ страны, ее современных границ играет одну из главных ролей в повседневной репрезентации нации. Одновременно хронологически упорядоченная последовательность «исторических карт», создаваемых исторической географией, способна создать «политико-биографический нарратив» с «бездонной исторической глубиной»² и обосновать правомерность современных границ. Как отмечает Э. Смит, территория, занятая случайно, превращается, благодаря усилиям исторической географии, в территорию, принадлежащую данной нации в силу исторической необходимости³.

Границы национального государства – результат конструирования. В него вовлечены ученые, политики, военные, активисты национальных движений и другие субъекты. Однако это конструирование не может быть полностью произвольным. Любому национальному движению необходимы основания, обычно – исторические, чтобы утверждать, что именно эта территория должна принадлежать данной нации «по праву». Территория должна восприниматься как «своя», вызывать эмоции, чувства связи, принадлежности, она должна быть носителем определенных значимых воспоминаний. Э. Смит пишет: «Однако создание нации требует особого места, которое нация могла бы населять, “своей собственной” земли. Не какой угодно земли, а исторической земли, родины, земли предков.. В этом ландшафте располагаются такие “места памяти”, как поля сражений и памятники павшим, места заключения мирных договоров, храмы жрецов, места, где нашли последний покой святые и герои, священные обители духов и богов, хранящих эту землю»⁴. Именно они создают эмоциональную связь территории и населяющей ее общности.

¹ Это было показано еще в классических работах: *Halbwachs*. 1941, 1950.

² *Андерсон*. 2001. С. 193.

³ *Smith*. 1999. P. 157.

⁴ Степень насыщенности разных частей реальной или потенциальной национальной территории «местами памяти», значимыми символами национального единства и, следовательно, их значимость для национального самосознания различна. По

Однако не все притязания, опирающиеся на культурную память, могут быть реализованы в конкретных политических условиях. В спорах о государственных границах имеет место «фрейдистская» ситуация столкновения «принципа реальности», опирающегося на сложившийся к настоящему времени этнический и конфессиональный ландшафт, расстановку политических сил и т.д., с «принципом удовольствия», основанным на исторических воспоминаниях, мифах и символах. Особенно острый характер это столкновение приобретает в Центрально-Восточной Европе, где, в отличие от Западной Европы, нацистроительство не опиралось на исторически прочные государственные образования.

В Западной Европе старые монархии уже сформировали «протонациональные связи» (Э. Хобсбаум) – складывающиеся веками чувства коллективной принадлежности. Важнейшим из них является чувство принадлежности к государственно-политическому образованию, связанное с культом святых, святынь, монархов, почитаемых на определенной территории. Поэтому здесь в стратегиях нацистроительства доминируют аргументы, почерпнутые из политической истории, а основным действующим лицом этого процесса становится тандем политиков и историков. Основу культурной памяти составляли события политической истории обладавших древней и устойчивой государственностью общностей. Канон воспоминаний очерчивал пространственные границы, защищенные военно-политическими силами государств, что в итоге привело к преобладанию гражданско-политического типа национализма.

В Центральной, Восточной и Южной Европе многие территории были исторически вовлечены в орбиту различных имперских образований. Поэтому память о политических образованиях, государственности не играла здесь такой значительной роли в процессе формирования наций и определения границ национального государства. Вместо государственного патроната над процессами формирования национальных культур, как это имело место во Франции, Англии, Испании и других западных странах, здесь имело место противодействие этим процессам со стороны имперских администраций, видевших в подъеме национальных идей угрозу целостности государства. Главными фигурами национальных движений становились в таком случае политические активисты, опирающиеся на исследования «пропагандистов-просветителей» в лице лингвистов, этнографов, фольклористов, географов. Основные аргументы при определении государственных границ давали исследования арха-

этому признаку их можно разделить на «сердцевину», «полупериферию» и «периферию» символически освоенного ландшафта (подробнее см.: White. 2000. P. 40-41).

лов распространения языков, этноконфессиональных традиций и т.д., и здесь получил преобладание этнокультурный тип национализма.

Традиция государственности, на память о которой могли опираться национальные движения, в Центрально-Восточной Европе отсутствовала или была давно утрачена. Поэтому выполнение лозунгов «возрождения» государственности, «восстановления» исторической справедливости оказывалось довольно проблематичным. Тех «справедливых исконных границ», к которым следовало вернуться, либо никогда не существовало, либо они входили в вопиющее противоречие с современным политическим, этническим и конфессиональным ландшафтом.

Поэтому анализ путей конструирования образа «родной земли» в Польше периода разделов представляется особенно интересным. Польское нацистроительство опиралось на память о древней и мощной государственности, державе, претендовавшей на гегемонию в Центрально-Восточной Европе. Утрачена эта государственность была практически одновременно с началом процесса формирования современной польской нации в конце XVIII в. В Польше, в отличие от окружающих народов Центрально-Восточной Европы, в основе национальной памяти лежала отнюдь не этноязыковая общность, а память об имперской истории мощного полиэтнического государства и сознание своей исторической миссии. «Польское национальное сознание, – пишет ведущий представитель «варшавской школы истории идей» Анджей Валицкий, — родилось как сознание “исторического народа” – полиэтнического шляхецкого народа, существующего на пространстве значительно выходящем за пределы границ этнической польской территории и определяющего свою идентичность в категориях не этнических, а политических, в качестве исторически сформировавшейся гражданской общности»⁵.

Страна более чем на столетие исчезла с политической карты мира. Поэтому процессы образования нации и формирования национального самосознания проходили на польских землях в специфически неблагоприятных условиях. Именно польским интеллектуалам, ученым, деятелям литературы и искусства принадлежала главная роль в формировании польской национальной памяти и идентичности, распространении национального самосознания среди все более широких слоев населения.

Формирование и поддержание образа польской земли, ставшей частью трех государств, оказалось важнейшей составляющей культурной политики польской интеллигенции периода разделов. «Польша» стала «местом памяти», символом национального самосознания. Представле-

⁵ *Walicki*. 2009. S. 187.

ния о ней формировались различными социально-политическими силами с использованием предоставляемого наукой «символического капитала». При этом на протяжении «долгого польского XIX века» политическая и этническая конфигурация в Европе менялась, развивались национальные движения на землях бывшей Речи Посполитой. Единственным реальным историческим образом Польши, на который могла опираться культурная память и политические программы, была Польша в границах до разделов. Естественным и единственно справедливым представлялось требование восстановления государства в границах 1772 г., но со временем становилось ясно, что это требование практически мало выполнимо, учитывая интересы держав и формирование национального самосознания среди народов, населявших некогда Речь Посполитую. В таком случае необходимо было переходить от культурной политики, основанной на политической памяти государственного прошлого с определенными границами, к политике, основу которой составляли лингвистические и этноконфессиональные аргументы - ее принципы были сформулированы романтиками. Однако это означало отказ от значительной части этнически непольской территории исторической Речи Посполитой.

А. Валицкий писал: «Как известно, романтическая мысль, особенно немецкая, противопоставляла классическому легитимизму, или легитимизму государств, идею легитимизма культурных наций (*narodów kulturalnych*) как неповторимых и незаменимых индивидуумов в составе человечества. В польском контексте эта идея была очень привлекательна, но одновременно очень небезопасна. Немецкие романтики прославляли роль языка в создании наций, особенно народного языка. Польша же перед разделами была полиэтничным и многоязычным государством, объединенным, правда, польскоязычной шляхецкой культурой, но неоднородной на уровне культур этнических. Механическое перенесение на польскую почву романтической концепции «культурной нации» грозило в таком случае свести национальную территорию до этнической»⁶. Это представлялось абсолютно неприемлемым для значительной части политических сил и открывало широкую дискуссию о том, где же находится «настоящая Польша», в какой из исторических периодов своего развития эти границы были более «правильными» и «естественными».

Так были заложены основы для формирования двух моделей польского нацистроительства. «Пястовская» модель опиралась на идею «этнической Польши» и ориентировалась, в первую очередь, на общность языка, религии и самосознания. «Ягеллоновская» концепция культиви-

⁶ *Walicki*. 2009. S. 188-189.

ровала идею политической польской нации, создаваемой польскими политическими институтами в исторических границах I Речи Посполитой до разделов. Члены польской нации должны были быть объединены общими, шляхецкими по своему происхождению, ценностями свободы и исторической миссии вне зависимости от их этнической, языковой и религиозной принадлежности.

Большую роль в формировании польского территориального сознания сыграла литература, особенно поэзия. Была создана богатая образная система, включавшая в себя картины «потерянного рая», «земли страданий и боли, крестов и могил», «земли святой и живительной». Выдающийся польский писатель Юзеф Игнацы Крашевский в 1879 г. призывал польских исследователей писать локальные монографии об отдельных регионах и городах Польши и создать «целостный образ давних земель Речи Посполитой». Великая поэтесса Мария Конопницка в эссе о польской земле, опубликованном в 1906 г., говорила о том, что в то время как территории других европейских государств выходили из первобытного океана в страшных катаклизмах, разрывая земную поверхность на острова и полуострова, польская земля тихо и задумчиво лежала и ждала своего часа, чтобы в одно ясное прекрасное утро спокойно и мирно подняться целиком навстречу солнцу, надежде и будущему.

Однако главная роль принадлежала все же историкам, этнографам и географам. Возникшая на стыке этих дисциплин историческая география создала жанр описаний «давней Речи Посполитой», позволявший говорить о Польше как о едином «природно-географическом» целом, игнорируя границы, проведенные разделами. В учебных и научных сочинениях настойчиво проводилась стратегия дискурсивного конструирования единства территории страны. Означающее «польские земли» не соотносилось с актуальными политическими границами периода разделов и имело в качестве означаемого территорию страны 1772 г.⁷

⁷ Зримым символом этой национальной идеи стала карта Польши Шарля де Пертэ (*Charles de Perthès*) 1773 г., на которой еще не были обозначены границы первого раздела – она представляла Польшу такой, какой она «должна быть», с точки зрения многих последующих поколений поляков. В 1809 г. была опубликована работа выдающегося польского философа, натуралиста и географа Станислава Стащица «О статистике Польши», созданная на основе личных путешествий и наблюдений автора по всей территории Речи Посполитой. Польша описывалась им в естественнонаучных и нейтральных категориях – так, будто никаких разделов не было, и страна продолжает существовать в границах между «35 и 50 градусами долготы и 48 и 56 градусами широты, занимая 21 тысячу квадратных миль...». Автор подчеркивал, что «эта страна имеет естественные границы» от Черного моря до Балтики, она призвана служить защитной стеной Европы (*przedmurze Europy*) от набегов из Азии и объеди-

Для произведений такого рода в первой четверти XIX в. был характерен топос романтических «размышлений над руинами», используемый авторами, описывавшими путешествия по местам древней славы Греции и Рима. Первым в этом роде было опубликованное в Варшаве Томашем Швенцким (Tomasz Świącki) в 1816 г. «Описание древней Польши». Польша предстает в этой книге как земля руин, хранящих память о былой славе. Путешественник выхватывает взглядом и прочитывает эти следы, убеждаясь, что каждая пядь польской земли несет на себе память важных свершений предков. Нет на ней такого места, отмечает автор, «которое не напоминало бы о давней мощи и богатстве»⁸.

В лице наиболее выдающихся авторов география и поэзия иногда объединяли свои усилия. В 1835 г. выдающийся польский географ Винцент Пол (Wincenty Pol) описал свое путешествие по «историческим землям» Речи Посполитой в форме поэмы, которая называлась «Песнь о нашей земле» (первое безымянное издание в Познани в 1843 г.). Он поэтически описал различные регионы Польши, начиная от Литвы и заканчивая Западной Галицией. Произведение было широко известно среди польского населения всех разделов, его называли «поэтической географией и этнографией Польши» и «учебником патриотизма». Эта поэма, как отмечается в современном исследовании по истории польской географии, «...сыграла важную роль в развитии интереса поляков к красотах родной земли. Также она стала одним из основных импульсов для зарождения в Польше краеведческого движения»⁹. Будучи профессором кафедры географии Ягеллонского университета в Кракове, В. Пол ввел в практику выезды студентов на местность для проведения полевых исследований и развития у них «любви к родной земле и природе». Его деятельность быстро получила оценку австрийских властей. Ученый был уволен из университета, а кафедра закрыта.

Выдающийся польский историк Иоахим Лелевель, один из творцов романтической версии польской национальной идеи («концепция Лелевеля-Мицкевича»), в научных работах и политико-публицистических выступлениях уделял большое внимание исторической географии. Находясь в эмиграции в Брюсселе в 1836 г., он опубликовал Манифест, обращенный ко всем полякам. Манифест является хорошим примером описанной П. Бурдые политической стратегии, направленной на завоева-

нять народы в зоне своей «историко-географической ответственности», от Балтики до Черного моря. Работа Сташица стала своеобразной «легендой» карты де Пертэ, представлявшей «воображаемую страну».

⁸ Świącki. 1816. S. II. Цит. по: Dybiec. 2004. S. 256.

⁹ Historia geografii polskiej. 2008. S. 44.

ние власти «легитимной номинации» в том, что касается топонимики и этнонимики. В этом документе подчеркивалось, что в результате тех «четвертований», которым Польша подвергалась многократно, «сегодня поляки различаются навязанными им названиями губерний, галицийцев, Царства Польского, Западной Пруссии, захваченных земель, Вольного города Кракова, Познаньского княжества. Пора покончить с этими названиями, обосновывающими грабеж, совершенный чужеземцами. Целостность народа зависит от его единства и полной сплоченности. Украинец, кашуб, русин, велико- или малополянин, литвин, подолянин, жмудин, мазур, волынянин и любой другой сын давней Речи Посполитой является поляком. Только в этом имени мы видим нашу целостность. Польский народ совершённого с ним разбоя никаким суверенным актом не утвердил, никогда он не потакал мерзкой и отвратительной политике, ищущей вымышленных естественных границ. Свои границы и свою целостность он знает не иначе, как только в том виде, в котором их определило многовековое существование его Речи Посполитой...»¹⁰.

В 1859 г. в Познани вышла работа Лелевеля «География. Описание краев давней Польши». Он отмечал динамику ее границ, их историческую изменчивость. В начале своей истории территория Польши была вынесена на запад. Позднее же, благодаря интеграции с Литвой в единое государство, Польша продвинулась далеко на восток. Лелевель описывал вхождение в состав Польши тех или иных территорий и отделение их со временем. «Хотя он и не подчеркивал этого по политическим соображениям, – отмечает современный исследователь польской культурной политики периода разделов, – но территорию Польши в дальнейшем он рассматривал в ее границах накануне разделов». Это видно в таких же внешне нейтральных как географические констатации Сташица, но полных глубокого политического смысла, хозяйственных данных, приводимых Лелевелем. Бесстрастно, никоим образом не обращая внимания на границы разделов, автор констатирует, что лучшая в Польше рожь произрастает в Литве и на территориях русинов, пшеница – в краковском и сандомирском регионах, просо – на Украине и на Подоле, лен – в Жмуди, Курляндии, в вилкомирском и упитских повятах, а также на Подгуже, а конопля – в Беларуси.

Вторая половина XIX века в истории общественной мысли была ознаменована развитием географического направления как составной части натуралистического течения в общественных науках. Влиянием климата и ландшафта старались объяснить все, начиная от особенностей

¹⁰ Цит. по: *Eberhardt*. 2004. S. 32-33.

живописных школ до межгосударственных отношений. Влиятельным течением в рамках географического направления был географический детерминизм. Его сторонники полагали, что географическое положение и природная среда полностью и однозначно определяют характер общества, его культуру и социально-политический строй, особенности людей и их отношения с окружающим миром. Последователями немецкого географа и этнолога Ф. Ратцеля была создана геополитика, искавшая природно-географические основания международных отношений. Место «народного духа», культуры, языка, самосознания, которые приводились романтиками настроенными мыслителями в качестве обоснования права народов на признание и обретение государственности, заняла природа. Теперь именно она должна была засвидетельствовать «естественность» существования того или иного государства, запечатленность его бытия в самом облике земной поверхности и нерушимость его «натуральных» границ. Одновременно как реакция на крайности географического детерминизма возникло социогеографическое направление, делавшее акцент на тех возможностях, которые климат и ландшафт предоставляют людям. Использование же этих возможностей целиком зависит от человеческой активности и уровня развития общества. Происходил отмеченный Э. Смитом двойственный процесс одновременной историзации природы, с превращением ее черт в объекты национальной гордости, и натурализации сообществ и их культур, представленных в качестве элементов естественно-природного порядка вещей¹¹.

В 1869 г. вышла работа Винцента Пола «Историческая территория Польши». Она стала первым научно-географическим обзором I Речи Посполитой. Основной целью, которую автор ставил перед собой, было довести до сведения держав-участниц разделов, что Польша существует как целостная «прирожденная» единица и может составлять независимую политическую территорию. Интересно, что «естественность» существования Польши автор доказывает сочетанием аргументов из области физической географии с примордиалистски интерпретированными фактами из сферы культуры. Границы Польши очерчивались, с одной стороны, климатически, геологически, типами почв, но прежде всего – речной сетью. Территория исторической Польши (которая трактовалась как северо-восток Европы) простиралась, по В. Полу, от Одры на западе до Днепра на востоке, от Двины на севере до Днестра на юге. Именно здесь возникла польская нация. Речная сеть интегрировала этнические территории Польши, Литвы и Руси, объединила их. С другой стороны, грани-

¹¹ *Smith. 1999. S. 151.*

цы Польши – границы распространения влияния католицизма и польского литературного языка. Белорусский и украинский языки представляли здесь диалектами польского языка, равно как и все региональные диалекты на территории, очерченной указанными реками. В. Пол пишет так:

«литературный язык (język piśmienny) составляет как бы национальную взаимосвязь Польши, Литвы и Руси; сразу же после соединения Литвы и Руси с Польшей литературный язык с невероятной скоростью распространился в повседневном общении (w sprawach potocznych) и в общественной жизни по всей исторической территории Польши. ...Мы можем сказать, что “территория польской литературы” вполне покрывает “территорию польской речи”, и что на этой территории, как на протяжении веков в прошлом, так и сегодня, ни один литературный язык не смог утвердиться и подняться до значения языка такой степени влияния и такой литературы, как та, в которой мы видим польские язык и литературу»¹².

Таким образом, становится понятно, почему работы В. Пола признаются сегодня первыми в польской науке трудами по политической географии, хотя формально они к этому жанру и не относятся¹³.

Во второй половине XIX в. наступил период создания глобальных этнографических работ, призванных собрать, систематизировать и сохранить польскую традиционную культуру, которой угрожали как акции властей государств-участников разделов, так и урбанизация и модернизация общества. Созданную географами и историками рамку целостной и неделимой, несмотря ни на какие разделы, страны пришло время заполнить красочными образами. Особая роль в формировании региональных идентичностей и их интеграции в общепольскую принадлежит выдающемуся польскому этнографу и географу Оскару Кольбергу (Oskar Kolberg). Более 40 лет он вел полевую этнографическую работу на землях бывлой Речи Посполитой. С 1865 г. Кольберг начал издавать серию монографий под названием «Народ. Его обычаи, образ жизни, язык, предания, пословицы, обряды, вкусы, забавы, песни, музыка и танцы». В ней была поставлена задача комплексного описания народной культуры. С 1865 по 1890 г. он издал 12 региональных монографий в 33 томах. Оставленные им материалы для следующих работ были изданы посмертно.

¹² Pol. 1869. S.10, 13. Цит. по: Eberhardt. 2004. S. 41-42. Здесь возникает интересная идейная переключка с философом-романтиком Маурици Мохнацким, который в работе «О польской литературе в девятнадцатом веке» (1830) писал о том, что национальное самосознание проявляется в литературе. Народ для него – историко-культурная целостность, границы которого определяются общей литературой, письменностью и миром художественных образов. Именно влияние литературы доказывает, по Мохнацкому, то, что земли Литвы, Украины и Белоруси являются интегральными частями Речи Посполитой.

¹³ Historia geografii polskiej... S. 45.

Историк, археолог и этнограф Зигмунт Глогер (Zygmunt Gloger) также занимался сбором и систематизацией фольклорных материалов, считая их лучшим свидетельством существования польского народа, несмотря на разделы и гибель государства. Особое внимание он уделял популяризации польского фольклора (в первую очередь песенного) и традиций среди разных слоев населения. В частности, в 1900 г. в Варшаве им была издана литературно-этнографическая антология «Польский год». По четырем сезонам там была представлена польская литература, фольклор, описание обычаев. В начале 1900-х гг. З.Глогер издал «Иллюстрированную старопольскую энциклопедию» в четырех томах, в которой систематизировал старопольскую культурную традицию.

Своеобразным монументом идее целостности исторической Польши стал «Географический словарь Польского королевства и иных славянских стран», который выходил в Варшаве на протяжении 1880-1904 гг. и насчитывал 15 томов. Инициатором и первым редактором словаря¹⁴ стал географ Филипп Сулимерский (Filip Sulimierski). Он же сформулировал идейную программу этого предприятия, которая отсылает нас к концепту «власти-знания» М. Фуко и заключается в том, что земля принадлежит не тому, кто на ней живет, а тому, кто ее знает. Поэтому словарь содержал максимум информации не только географического, но и экономико-статистического характера. Отличительной особенностью этого издания также был показ Польши как исторической целостности, невзирая на границы, проведенные разделами. В нем не формулировались открыто политические цели, однако сам его масштаб, охват территорий и степень подробности в сочетании с упомянутым выше кредо носили характер ясной политической программы¹⁵.

Географами конца XIX – начала XX в. был предложен ряд концепций географического и геополитического характера, призванных обосновать «естественно-природную» обусловленность существования Польши как объективной географической реальности вне зависимости от любых политических обстоятельств и ее роль в мировой политике. Варшавский ученый Вацлав Налковский (Wacław Nałkowski), один из

¹⁴ В 1885 г., успев издать 5 томов, Ф. Сулимерский умер в возрасте 42 лет. Редактором стал историк литературы Бронислав Хлебовский (Bronisław Chlebowski).

¹⁵ Своеобразным продолжением «Словаря», выходившим фактически параллельно, на протяжении 1895–1904 гг., стал огромный (1200 страниц) труд львовского географа Антония Рэмана (Antoni Rehman). Работа называлась «Земли давней Польши и соседних славянских стран, описанные с физико-географической точки зрения». Польша также рассматривалась им как целостность, разделенная уже на природные, а не исторические регионы, как в прежних концепциях.

наиболее выдающихся польских географов этого периода, разрабатывал свою концепцию своеобразия Польши, начиная с 1880-х гг. В 1887 г. вышла его статья «Польша», в которой он впервые дал географический обзор территории страны, выделил в ней физико-географические регионы без учета границ разделов. Окончательное выражение его теории получила в двух работах автора, опубликованных в начале XX в. – «Материалы к географии земель давней Польши» и «Территория исторической Польши как географическая индивидуальность».

Цель свою он формулировал так: «...te disiecta membra, на которые наша страна в силу исторических катаклизмов оказалась разделена, соединить в единую географическую целостность, единый гармоничный образ с определенной руководящей идеей, заключенный в определенную раму, обозначенный первоначально природой и дополнительно задокументированный исторической деятельностью нашего народа»¹⁶. При этом автор с трогательной серьезностью подчеркивает отсутствие у себя всякой национально-политической ангажированности и строгую приверженность естественнонаучному объективному методу, единственно из которого он и выводит «индивидуальность» Польши.

Главную специфическую черту Польши как «естественной» страны, определяющую ее целостность, он видел в «переходном» характере ее географического положения и климата. Польша является в силу своего географического положения страной, призванной соединять восток и запад Европы, предназначенной для путешествий, открытой для перемещений территорией, на которой черты восточно- и западноевропейской культур плавно переходят друг в друга. Польша – естественная защита Запада от Востока и естественные ворота для Востока на Запад.

Евгениуш Ромер (Eugeniusz Romer) вместо концепции «переходности» Налковского предложил свою концепцию Польши как «моста» между Востоком и Западом. Существование Польши заключено в самой физической природе Европы, и ее возникновение зависит целиком от человеческой воли, которой природа будет помогать. Политическое своеобразие Польши заключается в ее коммуникационной роли, предназначенной ей природой. В отличие от сторонников теории «переходности», в этой роли посредника и коммуникатора Ромер видел не угрозу целостности, а, напротив, источник интеграции польских земель. Его взгляды близки к идеям французской социогеографии. Природа предполагает существование Польши и предлагает людям на этой территории определенные возможности. Однако люди должны правильно исполь-

¹⁶ *Nałkowski*. 1912. S. 7 // Цит. по: *Eberhardt*. 2004. S. 46.

зовать предоставляемые природой возможности и потенциал. Роль моста Польша может выполнять только в границах своей «естественной» территории и только при условии, что люди смогут преодолеть все препятствия, поскольку Польши до сих пор еще ни разу не удалось исполнить эту предназначенную ей географией роль в полной мере. «С каких бы позиций ни оценивать образ Польши в природе Европы, ее следует признать однородной географической целостностью... географическая индивидуальность всегда охватывает территорию, объемлющую по меньшей мере целостность исторической Польши... история Польши всегда шла естественными указанными самой природой земли путями. ...Народы Польши, Литвы и Руси не могут забыть, что они имеют определенную роль в построении монолитной земли, предначертанной самой природой», – отмечал ученый¹⁷.

«Географическо-статистический атлас Польши» Ромера был издан в 1916 г. Ему было суждено сыграть большую роль в истории страны. Атлас представлял Польшу в границах 1772 года и вызвал сильное раздражение правительств стран-участниц разделов. Его распространение ограничивалось в Австрии и запрещалось в Германии и России. Зато в 1918 г. «Атлас» вошел в число официальных документов Версальской конференции, подготовленных для обсуждения польских границ.

Влодзимеж Вакар (Włodzimierz Wakar) в начале XX в., критикуя теории «переходности» и «моста», предложил концепцию «транзитного положения» Польши как основы ее специфичности. Польша лишена естественных границ как с востока, так и с запада. Она представляет собой проездные ворота между Западом и Востоком Евразии.

«Естественность» существования Польши в границах 1772 года получала все больше концептуальных обоснований, но ход истории начал ставить под вопрос идеологию реституции Речи Посполитой. Образ «исторической Польши» был по своей социальной сути шляхецким. Шляхта осознавала себя единым «польским народом» на всей территории бывшей Речи Посполитой. Она создавала образ польской политической нации как «исторического народа», объединенного древней традицией государственности, общими социально-политическими ценностями, сознанием своей миссии в истории, «высокой культурой» и вырабатываемыми ею системами образов, идей и мифологем¹⁸. Однако к концу

¹⁷ Romer. 1912. S. 47-48 // Цит. по: Eberhardt. 2004. S. 52.

¹⁸ Именно поэтому А. Валицкий называет шляхецкий национализм эпохи романтизма хорошим примером того, как народ может быть сконструирован элитой, управляющей общественным мнением при помощи формирования сферы воображения (Walicki. 2009. S. 230). Практически речь здесь идет о конструктивистской

XIX в. стало формироваться самосознание недворянского населения регионов бывшей Речи Посполитой. В связи с этим образ Польши стал меняться. Исследователи начали обращать внимание на этническую принадлежность населения «исторической Польши». Критериями этнической польской принадлежности выступали обычно язык и религия.

Первым определить численность этнического польского населения попытался в 1887 г. географ Эдвард Чиньский (Edward Czyński). С этого времени стало формироваться сознание того, что по демографическим и этническим причинам автоматическая реституция земель «исторической Речи Посполитой», скорее всего, будет невозможна. Стали различать понятия Польши «исторической» и Польши «этнической». При этом первая была в три-четыре раза больше второй.

В конце 1880-х была сформулирована концепция Болеслава Вислоуха (Boleslaw Wyslouch), который предлагал восстановление польского государства в этнических границах без «Восточных окраин» с признанием литовцев, украинцев, белорусов отдельными народами. Эта позиция не нашла тогда понимания и поддержки в польском обществе.

Географ и геополитик Станислав Поплавский (Stanislaw Poplawski) на рубеже XIX и XX вв. выступил за возвращение будущей Польше западных этнических польских территорий с более гибким подходом к судьбе «восточных окраин». Таким образом, он стоял у истоков «пястовской идеи» польской государственности. Впоследствии она была введена в политическую практику лидером этнонационалистического направления в политической жизни межвоенной Польши Романом Дмовским (Roman Dmowski), который полагал, что приоритетом польского государственного строительства должно быть объединение этнических польских земель, включая и те, которые не входили в состав «исторической Польши». При этом от части исторически польских, но этнически непольских «Восточных окраин» он считал благоразумным отказаться.

Подводя итоги, нам хотелось подчеркнуть продуктивность анализа польского материала для понимания мемориальных механизмов конструирования территориальных идентичностей. Польский пример хорошо показывает, как происходит диалог гражданско-политической и этнокультурной моделей нациестроительства, как осуществляется взаимное переплетение этих двух «идеальных типов» нации, какие трансформации коллективной памяти происходят при этом¹⁹.

модели нациестроительства – задолго до того, как она получит свое имя в дискуссиях второй половины XX в., вызванных работами Э. Геллнера, Б. Андерсона и др.

¹⁹ Наши выводы здесь в общем соответствуют предложенной Я. Пенрозом (Jan Penrose) модели, суть которой заключается в том, что концепция территории и стра-

Кроме того, в методологическом плане изучение подобных сюжетов показывает плодотворность интеграции географических наук, cultural studies и memory studies при изучении образов географического пространства. Это может способствовать формированию геокультурологии как новой перспективной области исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
- Dybiec J.* Nie tylko szablą. Nauka i kultura polska w walce o utrzymanie tożsamości narodowej. 1795–1918. Kraków: TERCJA S.C., 2004.
- Eberhardt P.* Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004.
- Halbwachs M.* La Topographie légendaire des Évangiles en Terre Sainte. Étude de mémoire collective. Paris: Presses universitaires de France 1941.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris: Presses universitaires de France 1950.
- Historia geografii polskiej / Redakcja naukowa A. Jackowski, S. Liszewski, A. Richling. Warszawa.: Wydawnictwo naukowo PWN, 2008.
- Nałkowski W.* Terytorium Polski historycznej jako indywidualność geograficzna. Warszawa. Wyd. Towarzystwo Krajoznawcze. 1912.
- Penrose J.* Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and Nationalism. 2002. № 8 (3). P. 277-297.
- Pol W.* Historyczny obszar Polski. Kraków. Uniwersytet Jagelloński. 1869.
- Rearick Ch.* Consumer Leisure // Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000 / Ed. by P.N.Stearns. Vol. 5. Culture, Leisure, Religion, Education, Everyday Life. Detroit: Scribner, 2001. P. 201-217.
- Romer E.* Przyrodzone podstawy Polski historycznej. Zarzewie, Lwów. 1912.
- Smith A.D.* Nation and Ethnoscape // *Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- Święcki T.* Opis starożytnej Polski. T. 1. Warszawa, 1816.
- Walicki A.* Naród i terytorium narodowe w misjonistycznych ideologiach polskiego romantyzmu // *Walicki A.* Kultura i myśl polska. Prace wybrane. T. I. Naród, nacjonalizm, patriotism. Kraków: UNIVERSITAS, 2009.
- White G.W.* Nationalism and Territory. Constructing group identity in Southeastern Europe. Lanham, Oxford, 2000.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Российского института культурологии; vasal2006@yandex.ru

тегии территориализации лежат в основе любой теории и практики нациестроительства. Причем эти стратегии могут иметь в своей основе две более или менее осознанные концепции связи пространства и нации. Одна говорит о латентной и эмоциональной власти пространства над людьми и трактует нацию как естественный феномен, а другая отдает приоритет государству и политической сфере, которые организуют территорию, осуществляют над ней власть и контроль в интересах формирования и поддержания национального государства (Penrose. 2002).